

*Читайте книги
Юлии Климовой*

ШУРЫГИНЫ. СЧАСТЬЕ НЕ ЧУЖОЕ

Пожалуйста, обернись
Сто лет без тебя
Там сосны рисуют небо

АНАСТАСИЯ ЛАНЬЕ. ПУТЬ ДОМОЙ

Стрекоза летит на север
Гнездо для стрекозы

ГЛЕБ. КОЛЧАН СО СТРЕЛАМИ АМУРА

В ее сердце акварель
Ветер подскажет имя

ДЖЕННИ. ВРЕМЯ НАДЕЖД И ЖЕЛАНИЙ

Мадемуазель Судьба
Перекресток всех дорог

Не исчезай, останься
Разбуди мое сердце
Рецепт ее счастья
Не спешి ее терять
Лети, птица Феникс
Дом певчих птиц
Я пришла, откройте дверь

ЮЛИЯ КЛИМОВА

Дом певчих
птиц

Москва
2022

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К49

Художественное оформление серии *Е. Петровой*
Редактор серии *В. Горюнова*

Климова, Юлия Владимировна.
К49 Дом певчих птиц / Юлия Климова. — Москва :
Эксмо, 2022. — 352 с.

ISBN 978-5-04-166645-3

XIX век. Сирота Софья оказывается в доме старой торговки канарейками. Девочке поручают ухаживать за птицами, но однажды она узнает страшную тайну и совершает поступок, которому суждено гулким эхом долететь до наших дней.

XXI век. Дина вынуждена провести неделю в гостях у археолога. Наверное, не стоило трогать чужие вещи, но любопытство взяло свое. «Найди того, кто тебя спасет», — чуть позже шепнет судьба, и Дина сделает все, чтобы исправить ошибку.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-166645-3

© Климова Ю., 2022
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ЧАСТЬ 1

Кто помнит имя? Нет, не я —
Отметин черных на судьбе не стало.
Другая будет пить теперь отраву,
Плести венок из мертвых роз
И складывать тоску в туман,
Где не сбылось, и где обман
Растет и набирает силу,
Где нет ответа на «помилуй»,
Где каждый день зовет меня.

Петербург. Далекое прошлое...

Холод всегда присутствовал в ее жизни. Он имел разный цвет, запах, вкус и даже разные лица. Он то проникал в дыры износившихся ботинок, то пробирался под тонкую изношенную кофту, то сжимал тощую шею, то смеялся в лицо, демонстрируя кривые желтые зубы. Соня привыкла к нему. Ее ничуть не беспокоили постоянно шмыгающий нос и дрожащие руки с красной потрескавшейся кожей и ломкими ногтями.

«Чем хуже ты выглядишь, тем лучше, — любил говорить Прохор, едко усмехаясь и щурясь. — Толстосумы охотнее расстаются со своими деньжатами, когда видят перед собой костлявого и жалкого сопляка или соплячку. Так что радуйся, что осталась без каши».

Мать бросила Соню три месяца назад на вокзале. Колючий ветер дул в спину, и волосы все время закрывали лицо, фразы улетали, и никак не получалось их ухватить. «Ты мне надоела... надо было сразу отдать тебя в какой-нибудь

ЮЛИЯ КЛИМОВА

приют... и не нужно на меня так смотреть, я еще молода, а ты вечно путаешься под ногами... чтоб я тебя больше не видела, сама разберешься...» Соня хорошо запомнила нетвердую, пьяную походку матери и резкий прощальный взмах рукой, будто кто-то дернул ее за локоть. Потом пришел поезд, встречающие и провожающие засуетились на перроне, и первый, пока еще осторожный, укол страха заставил вздрогнуть: «Что будет со мной?..»

Много лет Соня скиталась с матерью от деревни к деревне, от постоянного двора к постоянному двору, но потом они добрались до Петербурга, и в душе вспыхнуло: «Вот она — сказка!» Большой, величественный город с торопливыми экипажами и неспешными прохожими, с высоченными домами и пестрыми лавками, с ароматами сдобы, витающими возле булочных, и веселыми торговцами на рынках. Но оказалось, что жидкий кисловатый суп, купленный за гроши в мрачном трактире неподалеку от кирпичных бань, имеет точно такой же вкус, как и похлебка, отданная из милости в небольшой деревеньке на перекрестке дальних дорог. И холод здесь был все тот же, его мало интересовало, кто перед ним: сытый, хорошо одетый граф или жалкая девочка в тонкой изношенной кофте.

Соня никогда не видела своего отца, и, если верить матери, имя его даже не было известно. Какие уж тут бабушки, дедушки и прочие близкие и дальние родственники... Пожалуй, сиротство тоже имеет вкус — продолжительно горький, без каких-либо смягчающих оттенков.

Но, если у тебя есть мать, ты же не сирота?

Дом певчих птиц

Соня не смогла бы уверенно ответить на этот вопрос, особенно покидая вокзал в звенящем одиночестве. Дрожащий страх уже поднимался от щиколоток к коленям, заставлял оглядываться, спотыкаться и нервно облизывать резко пересохшие губы. И, как назло, небо Петербурга темнело, обещая скорый дождь и серое безотрадное будущее, наполненное лишениями и скитаниями.

Где они ночевали в последний раз? Как найти дорогу в тот пропахший рыбой и луком мрачный дом с узкими грязными комнатками? И стоит ли искать, разве там предложат еду и бесплатный ночлег?..

Соне и раньше приходилось выпрашивать милостыню, но теперь, похоже, ее место было именно на паперти. Стоять, опустив голову, и просить немного легче, чем бегать по рынку, приставать к прохожим и настойчиво кланяться: «Дайте монетку, дяденька... Пожалуйста, дайте монетку, тетенька...»

— Почему она оставила меня? Разве я так сильно мешала? — тихо произнесла Соня, вытирая рукавом первую слезу, всхлипывая. Но она все же не зарыдала, отчего-то никогда не получалось плакать долго и судорожно, наверное, в душе давным-давно замерз обжигающий нерв, отвечающий за продолжительную жалость к себе. А такой безутешный плач, возможно, дал бы облегчение на некоторое время.

В тринадцать лет тощая миниатюрная Соня выглядела на десять, и, наверное, это было хорошо: маленьким детям охотнее подают милостыню. А чего еще желать, когда голод сжимает желудок и мешает спать?

ЮЛИЯ КЛИМОВА

Соня знала, что похожа на лягушонка, так, во всяком случае, часто говорила мать. Большие глаза, большой рот, узкие плечи, руки и ноги — веточки... Иначе и не назовешь. «Единственное, чем тебя одарил Господь, — это волосы, — усмеялась мать и почти сразу отворачивалась, мгновенно теряя интерес к дочери. — У твоей бабки были такие же». Но Соня не считала, что ей повезло с волосами: густые, выющиеся, цвета мокрой глины, они постоянно путались и впитывали устойчивые запахи еды на постоянных дворах и в трактирах. Иногда они так пахли, что их хотелось немедленно отстричь.

На глаза Прохору Соня попалась довольно быстро, дней через пять.

— Ты пойдешь со мной, — грубо сказал он, схватил ее за руку и потащил за собой.

— Но... — выдохнула в ответ Соня и замолчала, потому что слова застряли в горле, а душу охватил нестерпимый ужас. Кто этот человек? И что он с ней сделает? Высокий небритый мужчина с маленькими бегающими глазками, цепким взглядом, редкими длинными волосами, в помятом сальном пальто никак не мог вызвать даже каплю доверия.

— Я — Прохор, и я теперь твой хозяин. Ясно? — произнес он, перешагивая большую лужу. Соне пришлось подскочить и быстрее перебирать ногами, иначе ее рука попросту бы оторвалась. — И не смей перечить моей матери, она этого терпеть не может. Ты же не хочешь, чтобы однажды я пересчитал твои паршивые ребра?

Соня не хотела и поэтому отчаянно замотала головой, отчего чуть не потеряла равновесие и не упала. Похоже,

Дом певчих птиц

судьба уготовила еще одно испытание, и лучше помолиться заранее, вдруг потом уже не будет такой возможности...

Прохор жил в старом трехэтажном доме, где сдавались дешевые комнаты, а на первом этаже за длинными узкими столами можно было выпить и закусить. Двери жалобно скрипели, в оконные щели пробирались сквозняки, ступеньки издавали стоны, крыша привычно впитывала дождевые капли, плесень и сырость ползли по стенам бесформенными пятнами, меняя цвет с серого на коричнево-зеленый. Но постояльцев и случайных гостей это ничуть не беспокоило, их вполне устраивали цена за ночлег и предложенные щи с водкой и хлебом.

— Еще одну приташил? Да сколько можно собирать отребье по подворотням! — сверкнула глазами мать Прохора, когда увидела Соню. Поджав тонкие губы, фыркнув, она принялась гневно тереть один из столов тряпкой, отчего длинные сальные волосы стали раскачиваться и подпрыгивать. — Я устала кормить твоих попрошайек, выгоню всех к чертовой матери!

Как оказалось, на Прохора работали еще пятнадцать детей. Целый день они бегали по улицам и кланчили деньги, а на обед и вечером возвращались и отдавали все до копейки хозяину, получая несколько кусков хлеба, кашу или суп. И горе тому, кто принес слишком мало, кулак у Прохора был тяжелый и бил точно в цель.

Маленькие побирушки жили на чердачном этаже и пользовались дополнительной лестницей, ведущей на задний двор. Им запрещалось приближаться к постояльцам, и каждый знал, что лучше не попадаться на глаза Евдокии

ЮЛИЯ КЛИМОВА

Семеновне — матери Прохора. «Вместо того чтобы помогать мне, ты с утра до ночи пьешь! — гневно кричала она на сына, уперев руки в бока. — Хорошо устроился! Почему я должна терпеть твоих грязных поганцев?! Сначала ты говорил, что их будет пять, потом семь, потом десять... А теперь их больше, чем мух на навозной куче!» В ответ Прохор или от-малчивался, или коротко огрызнулся, но его слабость перед матерью чувствовалась, и было ясно, кто в конце концов уступит или сдастся.

Первое время Соня скучала по прошлой жизни, однако потом борьба за выживание вытеснила из памяти многочисленные дороги, и фраза «Ты мне надоела... надо было сразу отдать тебя в какой-нибудь приют...» перестала звенеть в ушах. Будто Соня родилась и выросла на этом чердаке, будто так было всегда.

Попрошайки Прохора редко общались между собой, лишь холодная ночь заставляла их придвигаться друг к другу поближе в надежде согреться и наконец-то уснуть. Но драки происходили часто, и Соня не всегда понимала, отчего они случаются, вроде минуту назад и не было никакой ругани... Это уже позже она догадалась, что слова здесь вспыхивают спичкой, и порой достаточно лишь одной фразы, чтобы началась возня с глухими ударами, гневным сопением и вскриками. Маленькие попрошайки не прощали обид, и мальчишки, и девчонки умели сжимать кулаки и бес-страшно бросаться в бой на защиту своей тощей, потрепанной чести. И шуметь при этом было нельзя, иначе Прохор, получив очередную порцию недовольства от матери, мог хорошенько наказать.

Дом певчих птиц

Самым резким, сильным и отчаянным был рыжий Лешка Соловей. Он выделялся не только цветом волос, но и ростом, умом, а еще цепким недобрым взглядом и особой насмешливо-едкой улыбкой. Даже худоба Лешки казалась устрашающей, и все обитатели чердака старались держаться от него подальше (никто не хотел заполучить фингал под глаз или лишиться зуба). Если у Соловья было хорошее настроение, то по ночам он с тягучим удовольствием рассказывал страшные истории из приютской жизни, и каждый слушатель думал: «Какое счастье, что я попал к Прохору, а не в сиротский дом».

Однажды и Соне досталось от Лешки. Хитрый и ловкий Петька выгреб из ее тарелки всю гушу, оставив только бульон с тремя кругляшами морковки.

— Ты все равно много не ешь, — хохотнул он облизываясь. — Да и суп не очень вкусный... Тебе вполне и водицы хватит.

Но в этот момент Соня смотрела не на веселого и довольного жизнью Петьку, а на Соловья, грозно вырастающего за его спиной. Интуиция подсказала, что через несколько секунд обидчик будет скулить от боли и просить о пощаде. И почему-то чувство вины за это сильно сжало сердце, а затем застучало молоточками в висках быстро-быстро.

Игнорируя страх, Соня замотала головой, качнулась и тихо забормотала: «Не надо, не надо...» А как только Петька обернулся, побледнел и, мгновенно оценив опасность, отскочил в сторону, она инстинктивно устремилась к Лешке и крепко вцепилась в его руку.

ЮЛИЯ КЛИМОВА

— Не бей его! — крикнула она, не узнавая собственный голос. — Слышишь?! Не бей!

Попрошайки перестали стучать ложками о тарелки и замерли, гадая, чем закончится обед.

— Его? Не буду. Теперь не буду, — тихо произнес в ответ Лешка и многозначительно усмехнулся. — Но, мне кажется, я должен объяснить тебе, что никогда не стоит заступаться за того, кто лишил тебя последнего куска хлеба.

Соня уже была знакома с определенными уличными законами и именно поэтому бросилась спасать Петьку. Да, виноват. И суп жалко. Но до вечера можно потерпеть, голод привычен, ничего страшного.

Разжав пальцы, не опуская рук, Соня сделала испуганный шаг назад. Однако смысла в нем не было, через секунду резкий удар в плечо отправил ее маленькое, худенькое тельце к стене. Из груди вырвался судорожный вздох, ноги мгновенно ослабли, и острые лопатки встретились с полом. Соня сделала попытку повернуться на бок и сжаться в комочек, но над ней навис Лешка, и защититься хоть как-нибудь не получилось. Он поднял кулак, готовясь ударить, и замер, встретив взгляд больших, переполненных испугом серо-голубых глаз.

Глава 1

Чемодан я всегда собираю долго и мучительно, он маленький, а сокровищ у меня слишком много. Вот и приходится метаться между бесконечно важным и невероятно

Дом певчих птиц

нужным. Я бы, конечно, предпочла объемную спортивную сумку, но бабушка считает, что именно с чемоданом нужно приезжать к отцу. Тогда в его душе будет гораздо больше ответственности, а позже, при расставании, он непременно погрузится в печаль.

«Потому что когда у ребенка впереди дальняя дорога, то нормальному человеку его жалко. Но это нормальному, — часто подчеркивает бабушка. — Тебе уже четырнадцать лет, и можно не сомневаться, отец посадит тебя в автобус, махнет рукой и забудет через пять минут, что у него есть дочь. А чемодан старый, колесики гремят хорошо, до самой совести пробирают...»

Честно говоря, дальняя дорога — это громко сказано.

В магическую силу колесиков я не верила, но ничего не оставалось, как только сократить количество наваленных на кровати вещей в три раза. Что же взять?..

Меня уж точно нельзя назвать модницей. Я всегда предпочитала джинсы, свитера и кроссовки, но в квартире отца никогда не получалось чувствовать себя комфортно, и мне не хотелось бы затевать там стирку, если вдруг на единственную футболку случайно прольется сок или чай. А с учетом моей нервной криворукости это вполне могло случиться. И как не нервничать, если Маргарита всегда смотрит на меня так, будто перед ней чудо-юдо заморское. Не опасное, но, возможно, несущее на своей шершавой полупрозрачной чешуе бактерии неизлечимых болезней.

«И не смей называть ее мачехой, она не заслуживает даже этого», — обычно напутствует бабушка, однако мне

ЮЛИЯ КЛИМОВА

бы и в голову не пришло. Да и наше общение с женой отца обычно сводится к паре дежурных фраз.

Еще мне очень важно взять книги, я бы хотела прочитать «Таинственный остров», и на каникулы, как назло, задали изучить начало правления Петра I, Северную войну, реформы XVIII века и развитие промышленности... Я люблю историю, но куда интереснее самой отыскивать истину в многотомниках, чем зубрить короткие абзацы учебника. Нет, я не слишком умная и учусь в основном на четверки, но в библиотеке никогда не чувствуется одиночество. Там даже маленькая лестница для верхних полок не скрипит, а разговаривает. Во всяком случае, мне так кажется.

— Я позвонила твоему отцу, он наконец-то определился со временем. — Бабушка зашла в комнату и, глядя на мою кровать, многозначительно покачала головой. Но картина бардака выглядела уже намного лучше, я все же смогла выбрать самое нужное и даже сложила футболки стопкой. — Выезжаешь в три, собирайся быстрее. И чтобы пообедала хорошо, а не как обычно. Учти, борщ будет на столе через десять минут.

Бабушка на всякий случай сдвинула брови, но меня так просто не обмануть, она волновалась перед расставанием и скучала на неделю вперед. Подбородок подрагивал, морщины на лбу стали заметнее, глаза поблескивали от подступивших слез, и в них безошибочно читалось: «Если бы твоя мама была жива... Помоги ж тебе Господь».

Сделав шаг вперед, я остановилась и сдержала душевный порыв — подойти и обнять. Бабушка тогда уж точно

Дом певчих птиц

расплатится, а лучше, если мой отъезд получится простым и бодрым.

Нет, я не устремлялась в другую страну или в другой город, меня не ждали беспокойные моря, огнедышащие горы, безводные пустыни или бескрайние полынные степи, мне всего-то нужно было проехать на метро минут сорок, пройти пешком до нужного дома, подняться на седьмой этаж и нажать кнопку звонка: «Здравствуй, папа...» Вот только с бабушкой мы расставались очень редко, и в такие минуты как раз казалось, что впереди и горы, и пустыни, и степи...

— Я провожу тебя до «Октябрьской», а до «Профсоюзной» доедешь сама. Не забудь пижаму, которую я тебе сшила, и теплые носки.

— Уже положила. — Кивнув, я показала на пока еще полупустой чемодан.

Самый большой страх бабушки заключается в том, что она может умереть неожиданно от какого-нибудь сердечного приступа, и тогда я непременно попаду в детский дом, где буду голодна и несчастна. Именно поэтому раз в год я отправляюсь к своему отцу. Он не должен от меня отвыкать, бабушка попросту не позволяет ему этого сделать.

Обычно для нашего общения отец выбирает весенние каникулы, потому что летом — сезон отпусков и поездок в теплые края, осенью нужно хорошенько отдохнуть от лета, а зимой у папы сплошной Новый год. Не до меня.

«Поверь, это лучше, чем ничего, — обычно объясняет бабушка. — Если вы разучитесь разговаривать друг с другом,

ЮЛИЯ КЛИМОВА

то... Твой отец непременно откажется от тебя, как только я отправлюсь в рай».

При подобных разговорах бабушка всегда упоминает рай. Наверное, это слово должно меня успокаивать и настраивать на волну умиротворения. Но, потеряв маму семь лет назад, я пришла к выводу, что в теме смерти нет утешения.

В три часа мы вышли из дома. Колесики чемодана действительно гремели безжалостно, и до автобусной остановки удовлетворение не сходило с лица бабушки. Представляя, как она сейчас мысленно разговаривает с моим отцом, я с трудом сдерживала улыбку. Лекции на воспитательные темы обычно границ не знают, и можно посочувствовать тому, кто попался в бабушкины сети.

Раньше я часто задавалась вопросом, как мама могла выйти замуж за такого человека, но однажды поняла: ей стало жаль его. И, честно говоря, ко мне тоже иногда приходит это липучее чувство, оно застревает где-то под ребрами и дергается, точно маленькая рыбешка. Наверное, странно жалеть высокого, крепкого, вполне здорового мужчину, но, как говорит бабушка, женщины в нашем роду всегда были понимающими и добрыми.

Я старалась, правда старалась полюбить отца, но трудно испытывать привязанность к тому, кого видишь один раз в год.

- Веди себя прилично.
- Ладно.
- Ешь все, что дают.
- Хорошо.
- Доберешься, позвони.

Дом певчих птиц

— Обязательно.

Я знала, что бабушке потребовалось много душевных сил, чтобы посадить меня в поезд на «Октябрьской», вернуться и уйти. Безусловно, она бы хотела проводить любимую внучку до дома, а еще лучше — до квартиры. Но четырнадцатилетнего подростка необходимо постепенно приучать к самостоятельности. Я в книжке про это читала. И там еще было сказано: «...предоставляйте свободу порциями и наблюдайте за реакцией и поведением ребенка». Мои одноклассницы уже давно разъезжали по Москве, и, честно говоря, мне тоже хотелось.

Выбрав место в углу вагона, я села, пристроила к стенке чемодан, бросила короткий взгляд на закрывающиеся двери и нервно улыбнулась. Сейчас я чувствовала себя не только взрослой, но и особенной. Ощущения, которые трудно объяснить словами. Думаю, такое же разноцветное волнение бывает у птиц, когда они совершают свой первый полет. И будто я сейчас вовсе не в метро, а мчусь на поезде дальнего следования в другую страну, где живут увлекательные приключения и магические тайны. Есть же на свете такие места, и однажды одна из дорог наверняка приведет меня в необыкновенные края.

Но пока я направлялась к отцу.

К сожалению, до «Профсоюзной» очень мало станций, и они кажутся короткими (не успеешь толком ни помечтать, ни подумать). Я всегда знала, что, если бы не настойчивость бабушки, папа давно бы перестал со мной общаться. Но как раз об этом лучше долго не размышлять, а то еще мозги опухнут...

ЮЛИЯ КЛИМОВА

Около подъезда я отправила бабушке эсэмэску: «Все в порядке, я добралась» — и потянула чемодан к ступенькам. Самое сложное — произнести первые слова. «Здравствуй...» А дальше что? В общении с отцом никогда не получается выглядеть легкой и беззаботной, а хотелось бы. Так же намного легче.

Весна попросила не торопиться, и я притормозила, глубоко втягивая в легкие свежий ароматный воздух. Что меня ждет? Короткие вежливые разговоры, брокколи и шпинат, диван в гостиной, безрадостные прогулки по магазинам, прерывистый шепот отца и Маргариты. Не знаю, почему они всегда шепчутся... Будто их разговоры — это великие секреты. Вовсе нет. Я как-то подслушала, так там ничего не значащая ерунда. Наверное, я автоматически попадаю под сигнал: «Внимание. В доме чужой!», и папа с Маргаритой переходят на военное положение.

— Здравствуй.

— Привет.

— Ты выросла.

— Ага.

Отправив куртку на вешалку, я вспомнила, что папа просил привезти тапочки, и быстро достала их из чемодана.

— Проходи в гостиную, сейчас будем пить чай с пирожными. Я не мог вспомнить, какие ты любишь, шоколадные или ванильные, поэтому купил и те и другие.

— Большое спасибо.

Папа пошел в кухню, а я какое-то время смотрела ему вслед. Он тоже за этот год изменился: немного пополнил и стал еще более солидным. Даже если бы я не знала, что

Дом певчих птиц

Андрей Андреевич Овсянников работает директором производства на мебельной фабрике, я бы непременно угадала в нем начальника.

— Добрый день.

Вздвогнув от неожиданности, оборвав ход мыслей, я повернула голову и увидела Маргариту. Она всегда интересно и стильно одевалась, и сейчас белые джинсы и длинная бордовая рубашка подчеркивали ее красоту и молодость. Три года назад, при первом знакомстве, я внимательно сравнивала нас и пришла к выводу, что нет ничего, в чем бы мы были схожи. У Маргариты красивая фигура, а я — кожа да кости, у нее прямые черные волосы, а мои... Пожалуй, цвета мокрой глины. У нее большие кукольные глаза, а у меня миндалевидные. Конечно, сравнивать ребенка и двадцатипятилетнюю ухоженную с головы до ног девушку — глупо, но и сейчас картина точно такая же. Нужно признать, я по-прежнему являюсь весьма тощим экземпляром вселенной.

— Добрый день, — ответила я и убрала прядь волос за ухо.

По лицу Маргариты нельзя было понять, насколько сильно ее огорчил мой приезд, отнеслась ли она к этому как к рядовому кошмару или речь идет о глобальной катастрофе. Хотя для меня всегда было большим вопросом, испытывает ли Маргарита такие же чувства, как я и другие люди на планете Земля? Пока не приходилось видеть ее рассерженной или, наоборот, веселой. Но самое удивительное, что жена папы — практикующий детский психолог, и при этом она никогда не улыбается. Хотя, возможно, Маргарита — специалист по тяжелым случаям.

ЮЛИЯ КЛИМОВА

— Дина, мой руки и иди к столу! Марго, ты чай будешь?! — донесся с кухни голос отца.

— Сделай зеленый, я присоединюсь к вам минут через пять, — ответила она, развернулась и скрылась за дверью спальни.

Я не знала, как поступить с чемоданом. При встрече отец обычно говорил: «Мы освободили полку в шкафу, переложил свои вещи». Но сейчас слова не прозвучали, и отчего-то сердце кольнула тревога.

«Колесики грязные, чемодан точно нельзя тащить в комнату», — пронеслась разумная мысль.

От волнения разыгрался аппетит, пирожные оказались вкусные, и я с удовольствием съела три штуки. Маргарита молча пила чай (насколько я знала, она придерживалась правильного питания и сладкое вообще не ела), папа пил крепкий кофе, к бисквиту на блюде он так и не притронулся.

— Какие у тебя оценки? Троек нет?

— Пока нет.

— Думаешь, скоро будут?

— Английский мне дается с трудом...

Папа остановил на мне осуждающий взгляд и покачал головой. Только сейчас я заметила, что его виски начали сесть, а брови стали значительно тяжелее.

Тройка по английскому мне вовсе не светила, я даже не знала, почему соврала. Быть может, мне хотелось услышать слова поддержки или помочь отцу с продолжением разговора...

— В нашем роду не было троечников, надеюсь, ты меня не разочаруешь, — выделяя слова, произнес папа и доба-